
Что тишина, что чистая страница –
молчание,
отпущенная птица,
конец строки,
неверие в отеческие руки
и горе преждевременной разлуки,
и тень тоски,
отчаянье,
желание чужого,
живое ожидание большого:
да будет дождь!

А ты легко предметы именуешь
и дверь мою, конечно, не минуешь.
Войдёшь?

И отгорело, и остыло,
И вышло прочь,
А всё, что было, всё что было –
Трава и ночь.

И то, ночное, травяное
Я помню так,
Как будто это - кровавое,
Как будто знак

Остановиться и забыться
В чужой руке.
И слушать, как живёт и длится
Вода в реке.

Над городом зависла тишина,
Молчит будильник, сбившийся со счёта...

Мне снова снится белая стена
И поезда ребристая спина,
Скрывающаяся за поворотом.
По рельсам, что натянуты струной,
Летит он, невозможный и блестящий,
Над необъятной ветреной страной,
Нарочный, скорый, внеочередной,
Внезапный поезд.

Мой и настоящий –
Короткий поезд в сторону весны
Из моего отчаянного быта...

Зачем, скажи, я вижу эти сны,
Зачем, скажи, топчу ногами сныть
На полустанке, Богом позабытом?

Я всё пойму когда-то. А пока
На ветке тупиковой, сиротливой
Пустых вагонов серые бока
Погладить так и тянется рука
Нетерпеливо.

Река не покидала берегов,
Текла себе, текла неторопливо.
Все ждали небывалого разлива,
И каждый был по-своему готов

Уйти под воду, выплыть из воды,
Вцепиться в разбухающие вёсла...
Бывают же такие злые вёсны,
Когда все ждут отчаянно беды.

Хранилась незатейливая снедь
На антресолях, чердаках, под крышей.
Об этом говорили громче, тише –
О марте, о воде и о весне.

Над городом кружились облака.
Бежали дни и выходили сроки,
И в этом напряжении высоком
Текла неторопливая река.

Коротаем день до вечера,
Тащим горе на плечах.
И сказать друг другу нечего,
И немислимо молчать.

На холстине неба серого
Запятые воронья.
Так и мечемся растерянно –
От неправды до вранья.

И чего бы ни хватало нам –
Нет недостатка здесь ни в чем,
Так и маемся, усталые –
Ни тепло, ни горячо.

Хоть открылись нам вчера ещё
Двери настежь, чтоб уйти,
Каждый на своём пожарище
Остаётся взаперти.

не помнить встреч ненужных,
фраз неискренних,
отправить всех завистников к чертям.
готовить ужин
как всегда
по-быстрому,
в кастрюле иероглифы чертя.

как будто надломили да и бросили.
теперь уж ворожи – не ворожи.
а впрочем,
так всегда бывает осенью,
когда не умер, но уже не жив.

а в сентябре туман под утро пенится,
ложится на продрогшие кусты.
и непременно что-нибудь изменится –
вот только бы дожждаться,
не остыть.

Предсказуемо и гладко
Мир уходит на покой:
С клёна сыплются крылатки,
Гнётся ива над рекой,

Солнце падает за ельник,
Город прячется в тени,
Ускользает понедельник
Из усталой пятерни.

Чёрный мост скрипит и плачет
О несбывшейся весне.
Всё закончилось. И начат
Первый снег.

Поезд уходит – что проку в мирской суете.
Город притих в потрясении. Кто-то уехал
Стать потерявшимся в чаще раскатистым эхом
Или исчезнуть в молчащей лесной темноте.

Поезд уходит – не будем скрывать – в никуда.
Он не вернётся и он не вернёт пассажиров.
Мы остаёмся. И знаешь, мы всё ещё живы,
Раз провожаем летящие в ночь поезда.

Поезд уходит, а мы остаёмся смотреть,
Сердце настраивать в такт безразличным колёсам.
Так – поневоле – становишься полностью взрослым,
Наполовину живым и счастливым на треть.